

Белинская Е.П. Неопределенность как категория современной социальной психологии личности

English version: [Belinskaya E.P. Uncertainty as a category of modern social psychology of personality](#)

Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова, Москва, Россия

Психологический институт, Москва, Россия

[Сведения об авторе](#)

[Литература](#)

[Ссылка для цитирования](#)

Категория неопределенности рассматривается как одна из центральных для методологического поиска в рамках социальной психологии личности. Показано, что обращение к ней обусловлено повышенным вниманием современной социальной психологии к проблематике социальных изменений, которые субъективно переживаются человеком как поток неопределенных ситуаций. Систематизируются возможные признаки ситуаций неопределенности, выделяются их следствия на уровне поведения, чувств и когниций личности.

Ключевые слова: социальная психология личности, принцип неопределенности, социальные изменения, признаки неопределенной ситуации, личностные следствия субъективной неопределенности

Современное обращение психологии к неклассическим формам рациональности закономерно привело к активному использованию принципа неопределенности как центрального методологического основания. Данный принцип трактуется исследователями по-разному: и как имманентно присущий самому предмету психологии, содержащему взаимопереходы объективного и субъективного [Зинченко, 2007], и как возможность противостояния любым формам редукционизма в психологии через утверждение принципиальной множественности возможных объяснительных моделей [Корнилова, 2010], и как основание для переосмысления фундаментальных психологических категорий – таких как личность и развитие [Леонтьев, 2011]. При этом основания его утверждения имели скорее гносеологический, нежели онтологический характер, опираясь на непростую динамику проблемы детерминизма / индетерминизма в психологии.

В социальной же психологии, особенно в тех ее областях, которые обращаются к исследованиям личности, принцип неопределенности в максимальной степени стал представлен благодаря трансформациям бытийного плана, а именно – объективному нарастанию социальных изменений, превращающих систему социальных взаимодействий человека в поток неопределенных ситуаций и ставящих в качестве центральной проблему социального выбора. Степень интереса социальных психологов к анализу возможного влияния изменчивости социального поля на весь спектр социально-психологических явлений выражалась не только в повышенном внимании к социальному контексту, но и в общем переосмыслении предметного поля социальной психологии. Оно было существенно расширено за счет включения в него проблемы восприятия социальных изменений на уровне индивидуального сознания, представленности их в массовом сознании, в процессе конструирования образа социального мира [Андреева, 2009]. В итоге новая парадигма социальной психологии XXI века (вслед за социологией, которая несколько раньше обратилась к данной

проблематике) оказалась неразрывно связана с проблематикой социальных изменений.

Принцип неопределенности при этом подразумевался во многом «по умолчанию». Во-первых – в силу «наследуемого» от социологии понимания социальных изменений как бифуркационных, создающих реальность постмодерна как реальность множественную, требующую от человека либо непредсказуемых ролевых «переключений», либо полного отказа от ориентации на фиксированные ролевые модели поведения [Валлерстайн, 1999; Гидденс, 1999]. Так понятия социальные трансформации очевидно несли в себе признаки объективной неопределенности. Во-вторых, неявная представленность принципа неопределенности в современной социальной психологии обуславливалась и продолжает быть связана с доминированием в ней положений социального конструкционизма. Последний же предполагает не только постоянную изменчивость, но и принципиальную незавершенность процессов социальной категоризации и самокатегоризации [Герген, 1995; Харре, 1996], а потому – и невозможность установления в них любых границ и пределов, что, в свою очередь, задает субъективную неопределенность человека эпохи постмодерна. В-третьих, если принять призыв А.Тэшфела к тому, что в качестве центральной проблемы современной социальной психологии должна стать проблема отношений между человеком и социальными изменениями [приводится по: Андреева, 2009], то очевидно, что эти отношения скрыто содержат в себе принцип неопределенности – ведь выбор в постоянно меняющейся ситуации не может быть окончательным.

Для отечественной социальной психологии обращение к анализу неопределенности (понимаемой и как объективная особенность социальной динамики, и как ее субъективное переживание) еще совсем недавно подкреплялось задачей изучения процессов социальной дестабилизации – исследованиями кризиса идентичности, норм и ценностей в ситуации радикальных и не имеющих какого-либо определенного вектора социальных трансформаций [Андреева, 2009; Белинская, 2001; Белинская, Дубовская, 2009]. Сегодня же, в условиях однозначного изменения властного дискурса и принятия вполне определенных политических решений, которые все более начинают квалифицироваться как основа посттоталитарного общества [Гудков, 2013], обращение к принципу неопределенности парадоксальным образом не теряет своего смысла для социальной психологии. И заметим, что это парадоксально лишь на первый взгляд.

Ощущение нарастающего административного произвола, пренебрежения к общечеловеческим ценностям, невозможности влияния на принятие репрессивных по своему реальному содержанию законодательных актов при всей их определенности не снимает, а лишь усиливает субъективное переживание актуальной социальной ситуации как неподконтрольной субъекту, а потому – неопределенной. Это ощущение потери человеком своей субъектности сопровождается одновременной актуализацией необходимости личностного выбора – причем уже не столько для активного социального действия, сколько для формирования новых представлений о себе и мире.

Подобный выбор, как и ранее, может строиться на разных основаниях. Как справедливо отмечает Т.Д.Марцинковская, первым его основанием может быть стремление к сохранению консервативных ценностей и эталонов [Марцинковская, 2013], что, собственно, и можно наблюдать в настоящий момент. Вторые два варианта (когда основанием самокатегоризации становятся устойчивые к внешним трансформациям ценности культуры, науки, искусства или же внутренняя активность личности, стремление к осознанию своей индивидуальности, смыслов и целей жизни), скорее всего, уже не востребованы актуальной ситуацией и потому вряд ли послужат задаче достижения конгруэнтности образа себя и образа социального мира.

В силу вышесказанного представляется интересным эксплицировать принцип неопределенности в социально-психологическом анализе, что видится нам возможным через выделение возможных признаков ситуации неопределенности и анализ ее различных личностных следствий.

Ситуация неопределенности: возможные признаки

Традиционно в качестве ведущего признака ситуации неопределенности выделяется *информационный признак*: недостаток, противоречивость или же нечеткость информации [Корнилова, 2003]. На эмпирическом уровне данный подход в основном реализуется в исследованиях принятия решений. Исходно они опирались на понимание информационных причин неопределенности как чисто внешних условий, понимая под ними реальный дефицит или избыток информации. Сегодня, однако, существует ряд экспериментальных данных, доказывающих, что не только и не столько объективные параметры информационного поля задают характеристики ситуации неопределенности, сколько субъективно приписываемые информационному потоку особенности заставляют человека оценивать ситуацию принятия решений как более или менее определенную. Так, получены данные, что информация, субъективно оцениваемая как доступная, ненадежная или бесполезная, снижает субъективную неопределенность ситуации, влияя на скорость принимаемого решения. Напротив, субъективно оцениваемая как труднодоступная, информация может повлиять на повышение субъективной неопределенности ситуации, приводя к поведенческим следствиям – откладыванию решения, расширению «зоны бездействия» [Там же].

Рассмотрение информационного параметра неопределенности в неявном виде присутствует и в современных социально-психологических исследованиях, – прежде всего тех, которые обращаются к анализу ситуационных переменных в условиях лабораторного эксперимента, манипулируя с ними по линии регламентированность / нерегламентированность, что, в свою очередь, позволяет разделить их на «сильные» и «слабые».

Регламентированность может быть задана разными способами: наличием четких норм и правил поведения, эксплицированностью санкций, вынуждающих людей следовать этим нормам, или же присутствием в поле зрения испытуемого авторитетной для него социальной модели. В большинстве классических социально-психологических экспериментов ситуации были именно «сильными», что, собственно, и обуславливало полученные в них результаты. Их общим вектором являлся факт соответствия индивидуального поведения требованиям социального окружения, потому и оказалось, что в «сильных» ситуациях люди с различными диспозициями ведут себя схожим образом. Очевидно, что понимаемая подобным образом регламентированность является, по сути, субъективной информационной однозначностью.

Очевидно, что возможна экспериментальная организация и «слабых» ситуаций, в которых эксплицированы лишь немногие или же недостаточно четко представленные социальные правила. Подобную недостаточность или нечеткость нормативов действия в некотором смысле можно рассматривать как информационный параметр неопределенности, и существуют данные, свидетельствующие о том, что «слабые» с этой точки зрения ситуации эксплицируют индивидуальные различия в поведении [Росс, Нисбетт, 1999]. В свою очередь это позволяет сделать вывод о том, что в ситуации информационной неопределенности человек начинает больше опираться на личностные диспозиции.

Однако традиционно для большинства социально-психологических подходов ведущим признаком информационной неопределенности выступает не только и не столько недостаток информации, сколько ее противоречивость – как несовместимость двух или более когний. Заметим, что подобная несовместимость рассматривается, в том числе, и на «оси времени» – как наличие одномоментного рассогласования или как несовместимость актуального и прошлого знания. Данный подход эксплицирован практически во всех когнитивистских социально-психологических моделях, начиная еще с теории когнитивного диссонанса Л.Фестигера. Как известно, стремясь редуцировать возникающий когнитивный диссонанс, человек может попытаться изменить или устранить один из не согласующихся элементов. Тем самым путем избирательного восприятия элементов, релевантных ситуации, человек может начать активно достраивать, «доопределять» неопределенную ситуацию так, чтобы она соответствовала консонансной схеме, снижая свою субъективную неопределенность. Фактически, с позиции данной концепции субъективно переживаемая неопределенность может быть понята как следствие особенностей категоризации причинности, а, соответственно, основным механизмом ее редукции (в данном случае не

объективно-информационной, а субъективной – воспринимаемой как противоречивость) станет механизм разрешения когнитивного диссонанса.

Возможен и другой акцент в понимании ситуации неопределенности, когда под ведущим ее признаком понимается *невозможность* (как правило, объективная) *контроля* со стороны субъекта действия. С этой точки зрения собственно субъективная неопределенность возникает тогда, когда перцептивная установка человека «наталкивается» на некоторый информационный барьер, выражающийся либо в недостатке знаний о ситуации, либо в несформированности умений действия в ней. Данный взгляд преобладает в современных исследованиях совладающего поведения в трудных ситуациях (см., например, [Поддъяков, 2008]). Очевидно, что так понимаемая неопределенность ситуации повышает множественность ее исходов.

Фактически эта же тенденция характерна сегодня и для социально-психологических работ, которые выбирают предметом своего изучения процессы социализации в подростковом и юношеском возрасте. Для них типичным является понимание ситуации неопределенности как множественного выбора, преодоление которого и лежит в основе формирования центрального психологического новообразования данного возрастного этапа, а именно личностного и социального самоопределения. Начало подобной точке зрения положила еще концепция Э.Эриксона, которым преодоление известного кризиса идентичности периода отрочества мыслилось именно как реакция на возрастающую неопределенность ситуации взросления и стремление к установлению порядка и смысла [Приводится по: Зинченко, 2007].

Итак, можно видеть, что наиболее часто используемыми признаками ситуации неопределенности являются новизна, сложность и противоречивость. При этом нередко сочетаются «внешние» (прежде всего – информационный) и «внутренние» (например, субъективная невозможность контроля) параметры. Подчеркнем, что в социально-психологическом ракурсе более интересным представляется обращение к «внутренним» признакам – именно к восприятию ситуации как неопределенной. Очевидно, что влияние на них могут оказывать и некоторые личностные диспозиции. Личностные основания субъективной неопределенности видятся исследователям по-разному, но в целом центрируются вокруг мотивационно-потребностных состояний и особенностей когнитивной сферы субъекта.

Так, например, А.Н.Поддъяков постулирует два основных типа познавательного-исследовательского отношения человека к действительности. Первый тип отличает видение мира как стабильного, упорядоченного, цельного, и в основе формирования подобного образа лежит потребность в определенности, устойчивости и порядке; наличие четких, иерархизированных целей; владение алгоритмом действий и однозначное представление о возможном результате. Второй тип характеризуется видением мира как постоянно изменяющегося, бесконечно разнообразного, основанием чего служит соответственно потребность в неопределенности, новизне, готовность к выходу за рамки уже известного. Его отличает гибкость познавательных процессов, проявляющаяся в особенностях целеполагания, в представлениях о путях достижения результата и в характеристиках самого результата деятельности [Поддъяков, 2007].

Фактически к той же психологической реальности апеллируют существующие в социальной психологии представления о диспозиционной социальной ригидности, понимаемой как определенная «узость» социального мышления, полярность оценок социальных объектов, нетерпимость к двойственности, отсутствие плюрализма в восприятии социальной ситуации, желание контроля над развитием событий. Именно эти качества становятся препятствием в практике работы с персоналом в условиях организационных инноваций [Базаров, 2007].

Подытожим вышесказанное. Во-первых, в большинстве случаев при анализе возможных признаков ситуации неопределенности в социально-психологических исследованиях преобладают «внутренние» параметры, отражающие именно субъективную неопределенность. Во-вторых, среди выделяемых параметров неопределенности максимально представлены: новизна, сложность,

противоречивость, невозможность контроля, множественность выборов и решений, связанная с ними высокая степень риска. В-третьих, субъективная квалификация ситуации как неопределенной может основываться на мотивационных (потребности в определенности) и когнитивных (гибкость / ригидность) особенностях личности.

Однако нельзя не согласиться с В.П.Зинченко в том, что «самое сложное – понять, как человек в реальной, жизненной ситуации противостоит неопределенности» [Зинченко, 2007, с. 17], что именно является для него средствами ее минимизации. Хотя сегодня в психологии существует множество ответов на этот непростой вопрос (в качестве подобных средств выделяют и смыслы, и волю к действию, и поступок, и рефлексю), все равно остается непонятным, на каких личностных особенностях переживания ситуации неопределенности они базируются.

Личностные следствия ситуации неопределенности: от поведения к когнициям

Совокупность личностных особенностей, позволяющих человеку успешно действовать в непредсказуемом мире, сегодня уже прочно ассоциирована с понятием толерантности к неопределенности [Гусев, 2011]. При всей существующей множественности его трактовок (а каким же еще, кроме как неопределенным, может быть для психологов подобное понятие?) представляется, что возможные личностные следствия переживания человеком ситуации неопределенности могут быть рассмотрены в трех взаимосвязанных аспектах – на уровне поведения, эмоциональных переживаний и когнитивных структур.

В том, что касается *поведенческих следствий переживания ситуации неопределенности*, то в целом они анализируются в тесной связи с понятием активности и факторами сохранения ее в данных условиях. Как известно, исходно проблема сохранения поведенческой активности человека в условиях неопределенности стимула впервые была поставлена М.Селигманом в связи с изучением феномена «выученной беспомощности» и в качестве основного фактора отказа от активности мыслилось наличие предшествующего негативного и неподконтрольного опыта. В дальнейшем были выделены еще два фактора, а именно – оказалось, что характер атрибуции неподконтрольности ситуации (внешней или внутренней), имевшейся у испытуемых, и индивидуальные различия по шкале локуса контроля также оказывают существенное влияние на характер активности человека в ситуации, которую он считает неконтролируемой, а следовательно – и субъективно неопределенной. Было отмечено, что наличие внешнего локуса контроля в сочетании с внешней же атрибуцией причин происходящего существенно тормозили активность в этих условиях [Росс, Нисбетт, 1999].

Впоследствии было показано, что на сохранение активности в неопределенной ситуации влияет еще целый ряд разноплановых факторов. А именно: «иммунизирует» к неудачам (и, следовательно, позволяет сохранять активность в неопределенности) не столько опыт предыдущего успеха, сколько опыт предыдущего преодоления трудностей, особенно – в случае внутренней атрибуции причин этих трудностей; наличие высокой самооценки, задавая в целом ориентацию на задачу, а не на возможности самоутверждения, чаще заставляет воспринимать такую ситуацию как игру и провоцирует на активность; определенную роль играет и характер социальной идентичности личности – возможность самоотождествления себя в изменившейся ситуации с прошлыми социальными достижениями «тормозит» отказ от активности в наступившей неопределенности [Белинская, 2001].

Что касается *эмоций в ситуации неопределенности*, то отмечается, что квалификация ситуации как неопределенной может вызывать два основных вида эмоциональных переживаний: во-первых, интерес или любопытство, а во-вторых – страх или тревогу. При этом основное внимание исследователей, как правило, сосредоточено на втором, негативном, полюсе эмоциональных

переживаний, которые нередко рассматриваются как обладающие собственной мотивирующей силой. Достаточно вспомнить, например, что процесс редукции когнитивного диссонанса, согласно Л.Фестингеру и Ф.Хайдеру, «запускается» именно ими.

Сегодня эта позиция представлена, например, в социально-психологических исследованиях, обращаясь к «эмоционально-ориентированным» моделям инвестиционной активности. Отмечается, что у субъектов данной активности можно наблюдать всплеск широкого спектра иррациональных эмоций, нередко амбивалентного характера (страх поражения и страх успеха, перфекционизм и стыд, унижение и чувство превосходства и т.п.). Источником подобных эмоциональных состояний считается непосредственно сама ситуация неопределенности, однозначно вызывающая диффузное состояние напряжения, переходящее в тревогу, и блокирующее возможность ее рациональной оценки субъектом [Приводится по: Алавидзе и др., 2002], а последующие негативные чувства являются лишь теми или иными индивидуальными «линиями развития» этой базовой эмоциональной реакции.

Однако очевидно, что и противоположный, позитивный, полюс чувств в ситуации неопределенности имеет право на существование. С этой точки зрения интересны данные ряда социально-психологических исследований, фиксирующих внимание на специфике эмоциональных реакций на неопределенность у людей, успешно с ней справляющихся (например, антикризисных управляющих). Так, в частности, отмечается, что существенным условием их реакций на неопределенность является своеобразное «смещение» эмоционального компонента: при условии высокой стабильности самооценки и определенной когнитивной редукции неопределенности интеллектуальная задача, стоящая перед ними, воспринимается как вызов, и ее решение становится предметом беспокойства в большей степени, нежели мысли о собственной успешности или неуспешности [Приводится по: Алавидзе и др., 2002].

Но наибольшее количество исследований обращается к *когнитивным следствиям ситуации неопределенности*, при этом их анализ тесно связан с эмпирической детализацией самих признаков ситуации неопределенности.

Так, для исследований, выделяющих в качестве ведущего признака неопределенности невозможность контроля над ситуацией, готовность человека действовать в ситуации неопределенности часто рассматривается сегодня в связи с таким когнитивным параметром, как «принятие риска» [Корнилова, 2003]. Справедливо отмечается, что личностная включенность в ситуацию принятия сложных решений невозможна без акта самоопределения как «прикидки» человеком своих возможностей соответствовать требованиям ситуации: ведь оцениваются всегда не только потенциальные последствия решений, но и их «субъективная цена». В исследованиях, для которых ведущими признаками неопределенности выступают новизна ситуации, сложность и противоречивость информации, доказывається, что она требует от субъекта целого комплекса специфических когнитивных средств, ведущими из которых мыслятся прототипы и эвристики [Канеман, Тверски, 2005].

Несколько реже в качестве такого когнитивного средства выделяется «недифференцированный образ» [Поддъяков, 2007]. Последние две позиции схожи: изменчивый, нечеткий, противоречивый образ объекта позволяет отразить все многообразие его свойств, не дифференцируя их на существенные и несущественные. В условиях неопределенности именно это позволяет учесть любые возможности изменения объекта. Если попробовать экстраполировать это утверждение на область социального познания, то речь может идти о некоторой редуцированной когнитивной схеме – такой, в которой наличествует самый верхний ее уровень, отражающий наиболее абстрактную информацию о социальном объекте («ярлык») и отсутствуют другие иерархические ее составляющие, что в определенной степени соответствует прототипу.

Отметим здесь же, что в основе исследовательского внимания к когнитивным следствиям неопределенности лежит мысль о том, что в настоящее время важнейшим направлением развития

человека все чаще признается формирование у него целого комплекса познавательных способностей, которые позволяют обеспечить успешность деятельности в сложных, многофакторных и динамичных средах, имеющих сетевой принцип организации. В качестве модельных вариантов подобных сетей, как правило, используются так называемые комплексные задачи, и в экспериментальных условиях формируется умение их решать [Поддъяков, 2007]. Однако было замечено, что в ряде случаев наблюдается весьма специфический эффект подобного обучения: некоторые испытуемые начинали очень хорошо рассуждать о том, как надо было бы действовать в предложенных по условию задачи многофакторных средах, однако на их реальную деятельность в условиях неопределенности приобретенные знания практически не влияли, оставшись на вербальном уровне.

Пути преодоления данного эффекта видятся исследователям в двух основных направлениях: во-первых, через организацию специфического межличностного взаимодействия в процессе «овладения неопределенностями», а во-вторых – через становление определенной системы персональных ценностей. Так, с первой точки зрения отмечается, что нивелировать его может взвешенное соотношение в межличностном контакте помощи и противодействия, ибо только противодействие способно изменять направление развития непредсказуемым образом. Со второй точки зрения (не исключаяющей, заметим, первую) необходимо формирование в ходе социализации смысловой ценности поиска, ценности создания и использования ситуаций неопределенности как динамического резерва разнообразных путей развития личности [Зинченко, 2007].

Подобный «проспективный» взгляд на когнитивные следствия неопределенности операционально представлен в работах, связывающих успешность в преодолении множественных неопределенностей с антиципацией возможных вариантов будущего, с наличием развернутой временной перспективы: от исследований особенностей современной социализации на подростковом этапе до работ, посвященных стратегическому менеджменту в условиях риска и особенностям совладания с повседневными трудностями. В них отмечается, что специальные усилия по выработке перспективных планов деятельности, позволяющие снять субъективное переживание неопределенности, могут быть оценены как «расширение жизненной перспективы» – как на уровне индивидуального, так и коллективного субъекта деятельности, причем степень конструктивности подобной прогностической деятельности (в частности, мера ее опоры на рефлексию своих реальных возможностей или же на степень точности восприятия самой ситуации неопределенности) не имеет принципиального значения [Базаров, 2007; Белинская, Дубовская, 2009].

Следует отметить, что вообще способность репрезентировать разнообразие будущего – как своего лично, так и социального, – нередко рассматривается как одна из ведущих способностей человека современного, изменяющегося, глобального, информационного, подчиненного этосу постмодерна и т.п. социального мира. Так, психологическая готовность к постоянным социальным изменениям как непреходящим условиям существования связывается рядом современных социологов и социальных психологов со способностью к построению рефлексивного проекта собственного будущего [Гидденс, 1999] и даже – со способностью репрезентировать более широкий спектр «возможных будущих», чем те, которые могут быть реализованы [Харре, 1996].

Заключение

Представляется, что в интересующем нас ракурсе рассмотрения неопределенности как субъективной сущности социальных трансформаций можно выделить следующие три взаимосвязанные ее характеристики. А именно: во-первых, множественность – субъективно для человека подобная ситуация содержит в себе множество возможностей, допускает вариативность выборов, множество решений и интерпретаций; во-вторых, непредсказуемость – то есть субъективную невозможность прогноза ее развития, неизвестную вероятность тех или иных событий, воспринимаемое отсутствие причинно-следственных закономерностей; в-третьих,

неконтролируемость – как субъективную невозможность противостоять неожиданностям, предугадать их.

Переживание, вернее – «проживание» ситуации неопределенности закономерно имеет свои поведенческие, аффективные и когнитивные «воплощения». Подчеркнем, что именно когнитивные следствия ситуации неопределенности являются наиболее «естественным» предметом изучения для социальной психологии личности. Так, например, механизм каузальной атрибуции в целом ориентирует внимание субъекта на неуправляемые (с его точки зрения) причины тех или иных событий, снимая с него ответственность за происходящее и создавая тем самым иллюзию их понимания, то есть, по сути, редуцируя неопределенность. Исходя из общего понимания ситуации неопределенности как наличия трудностей категоризации и самокатегоризации, закономерно возможно связать когнитивные следствия ситуации неопределенности с процессами социального познания, в частности – с закономерностями построения образа социального мира. И если социально-психологическое понимание неопределенности неминуемо апеллирует к социальному контексту – быстрым социальным изменениям, то тогда закономерным будет понимание образа социального мира как принципиально вариативного, множественного, противоречивого, непредсказуемого в своей изменчивости и в этом смысле неподконтрольного субъекту.

Финансирование

Исследование выполнено при поддержке гранта Российского научного фонда, проект 14-18-00598 «Закономерности и механизмы позитивной социализации современных детей и подростков».

Литература

Алавидзе Т.Л., Антонюк Е.В., Гозман Л.Я. Социальные изменения: восприятие и переживание. В кн.: Г.М. Андреева, А.И. Донцов (Ред.), Социальная психология в современном мире. М.: Аспект Пресс, 2002. С. 302–323.

Андреева Г.М. Социальная психология сегодня: поиски и размышления. М.: Моск. психол.-соц. институт, 2009.

Базаров Т.Ю. Психологические грани изменяющейся организации. М.: Аспект Пресс, 2007.

Белинская Е.П. Конструирование идентификационных структур в ситуации неопределенности. В кн.: Трансформации идентификационных структур в современной России. М.: Московский общественный научный фонд, 2001. С. 30–53.

Белинская Е.П., Дубовская Е.М. Изменчивость и постоянство как факторы социализации личности. Психологические исследования, 2009, No. 5(7). <http://psystudy.ru>

Валлерстайн И. Анализ мировых систем: современное системное видение мирового сообщества. В кн.: С.И. Григорьев, Ж. Коэнен-Хуттер (Ред.), Социология на пороге XXI века: основные направления исследований. М.: Интеллект, 1999. С. 144–164.

Герген К. Движение социального конструкционизма в современной психологии. В кн.: Социальная психология: саморефлексия маргинальности. М.: ИНИОН, 1995.

Гидденс Э. Последствия модернити. В кн.: В. Иноземцев (Ред.), Новая постиндустриальная волна на Западе. М.: Academia, 1999. С. 101–123.

Гудков Л. Человек в неморальном пространстве: к социологии морали в посттоталитарном обществе. Вестник общественного мнения, 2013, No. 3–4, 118–179.

Гусев А.И. Толерантность к неопределенности как составляющая личностного потенциала. В кн.: Д.А. Леонтьев (Ред.), Личностный потенциал: структура и диагностика. М.: Смысл, 2011. С. 300–330.

Зинченко В.П. Толерантность к неопределенности: новость или психологическая традиция? Вопросы психологии, 2007, No. 6, 3–20.

Канеман Д., Тверски А. [Kahneman D., Tverski A.] Варианты неопределенности. В кн.: Д. Канеман, П. Словик, А. Тверски (Ред.), Принятие решений в неопределенности: Правила и предубеждения. Харьков: Гуманитарный центр, 2005. С. 582–594.

Корнилова Т.В. Психология риска и принятия решений. М.: Аспект Пресс, 2003.

Корнилова Т.В. Принцип неопределенности в психологии: основания и проблемы. Психологические исследования, 2010, No. 3(11). <http://psystudy.ru>

Леонтьев Д.А. Новые ориентиры понимания личности в психологии: от необходимого к возможному. В кн.: Д.А. Леонтьев (Ред.), Личностный потенциал: структура и диагностика. М.: Смысл, 2011. С. 12–42.

Марцинковская Т.Д. Социальное пространство: теоретико-эмпирический анализ. Психологические исследования, 2013, 6(30), 12. URL: <http://psystudy.ru>

Поддъяков А.Н. Неопределенность в решении комплексных проблем. В кн.: А.К. Болотова (Ред.), Человек в ситуации неопределенности. М.: ТЕИС, 2007. С. 177–193.

Поддъяков А.Н. Преднамеренное создание трудностей и совладание с ними. Психологические исследования, 2008, No. 1(1). URL: <http://psystudy.ru>

Росс Л., Нисбетт Р. [Ross L., Nisbett R.] Человек и ситуация. Перспективы социальной психологии. М.: Аспект Пресс, 1999.

Харре Р. [Harre R.] Вторая когнитивная революция. Психологический журнал, 1996, 17(2), 3–15.

Поступила в редакцию 5 апреля 2014 г. Дата публикации: 15 августа 2014 г.

[Сведения об авторе](#)

Белинская Елена Павловна. Доктор психологических наук, профессор, кафедра социальной психологии, факультет психологии, Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова, ул. Моховая, д. 11, стр. 9, 125009 Москва, Россия; ведущий научный сотрудник, лаборатория психологии подростка, Психологический институт, ул. Моховая, д. 9, стр. 4, 125009 Москва, Россия.

E-mail: Elena_belinskaya@list.ru

[Ссылка для цитирования](#)

Стиль psystudy.ru

Белинская Е.П. Неопределенность как категория современной социальной психологии личности. Психологические исследования, 2014, 7(36), 3. <http://psystudy.ru>

Стиль ГОСТ

Белинская Е.П. Неопределенность как категория современной социальной психологии личности // Психологические исследования. 2014. Т. 7, № 36. С. 3. URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: чч.мм.гггг).

[Описание соответствует ГОСТ Р 7.0.5-2008 "Библиографическая ссылка". Дата обращения в формате "число-месяц-год = чч.мм.гггг" – дата, когда читатель обращался к документу и он был доступен.]

Адрес статьи: <http://psystudy.ru/index.php/num/2014v7n36/1014-belinskaya36.html>

[К началу страницы >>](#)